

то выяснится, что значительная часть пародической интенции направлена как раз на интересующий нас тематический субстрат. Впрочем, сам Сумароков (II т., ода 18) помнит (1767 г.) Ломоносова и непародически:

От крови скифской Дон смутился

. . . . .

Мамай развеян яко прах.

Дрожат орды, Стамбул бледнеет,

И горда Порты каменеет,

При Доне смерть, в Херсоне страх.

Здесь ужасы смягчены, нет пожаров, «терзающих» города, и, что всего интереснее, завоевательная фантастика заменена реальной военно-политической географией.

Второстепенных текстов из рядовых одических поэтов (французских, немецких и русских) не приводим. Еще Мерзляков не может забыть империалистической фантастики пылающей турецкой Азии.

После 1743 г. условно-одическая локализация завоеваний у Ломоносова отпадает. Слагается основная тема его од, тема тишины; пацифизм, экономизм, развитие производительных сил страны, строительство национальной науки и научное овладение производственным процессом — вот новые темы од и надписей 1740—1750-х годов. Рецидивы батализма встречаются и здесь (вообще конфликт войны и «тишины» — основная проблема поэзии Ломоносова), но с пылающими городами Месопотамии и Сирии мы больше у Ломоносова не встретимся. Пустая форма, даже в условиях конститутивного для классической поэзии тематического консерватизма, жила недолгой жизнью тематической инерции. Новый батализм, связанный со вступлением России в Семилетнюю войну, найдет совершенно иные пути осуществления, равно как уже после Ломоносова, в одах первой турецкой войны создастся иная система баталистических образов.

7

Мы наметили функциональную историю только тех происходящих из Малерб тем, которые связаны с одой 1741 г. Но это только приступ к решению вопроса. Малерб (в его позднейшей и французской и германской трансформации) был общим литературным фундаментом почти всей работы Ломоносова. Доста-